Археологические вести

— 30 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

30
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

30
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 30** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 368 с.: ил.

В очередной номер журнала «Археологические вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии и истории. В разделе «Новые открытия и исследования» рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до средневековья. В ряде работ обсуждаются вопросы хронологии археологических памятников разных эпох, в частности, чустской культуры в Ферганской долине, тагарской в Минусинской котловине, уточняется датировка основного культурного горизонта поселения раннежелезного века Марьянское 1, находящегося в Краснодарском крае, и время сокрытия двух гнёздовских кладов рубежа IX–X вв. Кроме того, две статьи посвящены изучению первоначальных укреплений Старой Ладogi и результатам исследования палеопочв, подстилающих культурный слой этого памятника.

В специальном разделе «Актуальные проблемы археологии» представлены результаты изучения поселения Балка Лисовицкого эпохи бронзы на Таманском полуострове, обосновывается место происхождения и распространения больших прямоугольных пряжек из сибирского гагата в эпоху хунну, а также обсуждается вопрос об особенностях древнерусских фортификационных сооружений. Отдельный раздел посвящен истории науке, также в журнале приводится информация о международных конференциях. Среди авторов журнала ученые из различных научных центров России.

The current issue of “Archaeological news” includes articles devoted to the most recent researches in the sphere of archaeology and history. The section “New discoveries and studies” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the Middle Ages. A series of articles discuss questions of chronology of archaeological sites of different epochs, in particular, of the Chust culture in the Fergana Valley and the Tagar culture in the Minusinsk Kettle; a more precise dating is proposed for the main cultural horizon of the Early Iron Age site of Maryanskoye 1 in Krasnodar Kray and the date of burying of two Gnezdovo hoards at the turn between the 9th and 10th century. In addition, two articles are dedicated to studies of the original fortifications of Staraya Ladoga and the results of investigations of palaeosoils underlying the cultural layer of this site.

The special section “Topical problems of archaeology” presents the results of the investigation of the settlement-site of “Lisovitsky Balka” of the Bronze Age on the Taman Peninsula; the provenience and distribution of large rectangular buckles from Siberian jet of the Xiongnu period are grounded, and the problem on the features of Old-Russian fortifications is discussed. A separate section is dedicated to the history of science. This yearbook also presents information on international conferences. Among the authors of the volume there are researchers from different scientific centres of Russia.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — пластина-пряжка, Салхит, Монголия (Treasures..., 2011. P. 135, fig. 172)

First page of cover — plate-buckle, Salkhit, Mongolia (Treasures..., 2011. P. 135, fig. 172)

Четвертая страница обложки — пряжка, могильник Культобе в Южном Казахстане (Подушкин, 2012. Рис. 1, 5)

Fourth page of cover — buckle, cemetery of Kultobe in Southern Kazakhstan (Подушкин, 2012. Рис. 1, 5)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Погребальная обрядность детских захоронений хунну (на примере локальной группы кургана № 18 могильника Оргойтон)¹

Н. Н. Николаев²

Аннотация. В статье рассматриваются материалы первой локальной группы, выявленной на могильнике Оргойтон, расположенном на левом берегу р. Селенга в Забайкалье. Анализ этих материалов позволяет сделать некоторые наблюдения, касающиеся погребальной обрядности детских захоронений хунну. Было установлено, что выбор места погребения умершего ребенка зависел от его общественного статуса и одновременно этот статус подчеркивал.

Annotation. This paper considers the materials from the first local group revealed at the cemetery of Orgoyton situated on the left bank of the Selenga River in the Trans-Baykal region. Analysis of these finds suggests some observations concerning the funerary rite at child burials of the Xiongnu. It has been established that the choice of the burial place for the deceased child depended on the social status of the latter and simultaneously highlighted this status.

Ключевые слова: хунну, Забайкалье, локальная группа, сопроводительное погребение, фрагменты бронзовых зеркал.

Keywords: Xiongnu, Trans-Baykal region, local group, accompanying burial, fragments of bronze mirrors.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-125-133

Могильник хунну в пади Оргойтон расположен в Джидинском районе Республики Бурятия на левом берегу р. Селенга примерно в 5 км к юго-юго-западу от поселка Зарубино (железнодорожная станция Хужир) (рис. 1, 1, 2). На расстоянии около 30 км к юго-востоку от могильника находится г. Кяхта. Памятник открыт в 1898 г. Ю. Д. Талько-Гринцевичем, который совместно с А. Я. Смолевым исследовал здесь четыре кургана. Погребальную традицию и сопроводительный инвентарь раскопанных могил

Ю. Д. Талько-Гринцевич соотнес с обрядностью и вещевым комплексом захоронений Суджинского могильника в Ильмовой пади (Талько-Гринцевич, 1999. С. 81). После раскопок Монголо-Тибетской экспедиции в горах Ноин-Ула погребения Оргойтона и Ильмовой пади были идентифицированы как хуннские (Там же. С. 119–123). Последующие 110 лет раскопки на Оргойтоне не проводились.

В 2009 г. в юго-восточной части могильника раскопан курган № 5. Развал его наземного сооружения на уровне современной дневной поверхности практически не фиксировался. Захоронение было совершено в каменном «склепе», сооруженном из валунов и плит среднего размера. В заполнении могилы найден обломок бронзового китайского зеркала, позволивший датировать этот курган не ранее I в. до н. э. (Николаев, 2010; Николаев, Миняев, 2017б. С. 155, рис. 14, 5).

В 2010–2013, 2015 и 2016 гг. исследовался «княжеский курган» (№ 6), расположенный в северной части могильника (рис. 1, 2). Параметры, конструктивные особенности и сопроводительный инвентарь этого кургана позволяют соотнести его

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ РАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: nikpolyanik@yandex.ru.

Рис. 1. Могильник Оргойтон: 1 — положение на карте; 2 — план (а — репер могильника; б — репер раскопа; в — отдельные камни; г — скопление камней; д — курганы; е — курганы с дромосом; ж — курганы, исследованные Ю. Д. Талько-Гринцевичем; з — номера курганов); 3 — план курганов и ям в восточной части могильника

Fig. 1. Cemetery of Orgoyton: 1 — position in the map; 2 — plan (а — benchmark of the cemetery; б — benchmark of the excavation; в — separate stones; г — accumulation of stones; д — barrows; е — barrows with a dromos; ж — barrows investigated by Yu. D. Tal'ko-Grintsevich; з — numbers of the barrows); 3 — plan of the barrows and pits in the eastern section of the cemetery of Orgoyton

с курганом № 24 могильника Ноин-Ула и курганом № 54 Ильмовой пади (Теплоухов, 1925; Коновалов, 2008). Все эти курганы значительно меньше самого большого «княжеского кургана» хунну на территории России, исследованного в пади Царам, и одного из крупнейших курганов хуннской знати, раскопанного на могильнике Гол-Мод II в Монголии (Миняев, Сахаровская, 2007; Эрдэнэбаатар и др., 2015). При этом курган № 6 могильника Оргойтон первый и пока единственный «княжеский курган» хунну, исследованный на левом берегу р. Селенга (Николаев, Миняев, 2017а; 2017б; 2019; Nikolaev, Miniaev, 2016).

Начиная с 2017 г. основные работы на территории могильника сосредоточены в его восточной части (рис. 1, 2, 3). Здесь выявлено несколько курганов, которые визуально не фиксировались на уровне современной дневной поверхности (рис. 1, 3). В числе обнаруженных объектов исследована одна локальная группа, состоявшая из кургана № 18 и двух сопроводительных захоронений — кургана № 17 и погребения № 19 (рис. 1, 3; 2, 1).

Курган № 18

Находился в северной части участка, который исследовался в 2017–2018 гг. (рис. 2, 1). Его надмогильное сооружение первоначально представляло ограду, сложенную из горизонтально уложенных плит и валунов. В нескольких местах к востоку от могильной ямы сохранилось от двух до четырех рядов ее кладки. Ограда была ориентирована сторонами по странам света. Размер развала надмогильного сооружения $7,3 \times 7,2$ м.

После снятия дерна в юго-восточной части развала камней найдены обломок бронзового китайского зеркала (рис. 3, 2) и фрагмент железного предмета (рис. 3, 7). Помимо этого в северо-западной части развала зафиксирована деталь поясной фурнитуры (рис. 3, 4), восточнее которой выявлено несколько фрагментов неорнаментированной керамики серого цвета. Пятно могильной ямы было ориентировано длинной осью по линии север–юг и имело трапецевидные очертания.

Северо-восточный угол могилы и прилегающие к нему участки могильной ямы пострадали при ограблении. В заполнении могилы зафиксирован смешанный грунт, в котором помимо гумусированной и светлой супеси присутствовали уголь и зола. На уровне перекрытия погребального сооружения смешанный грунт локализовался в центральной и северной частях могильной ямы.

На глубине около 0,57 м у южной стенки могилы (ближе к юго-западному углу) в вертикальном положении выявлены обломки двух обожженных плах³. Помимо этого у южной стенки могилы найдены обломки венчика и фрагменты керамического сосуда (рис. 3, 3, 5). На глубине около 1,34 м рядом с юго-восточным углом выявлена лага из подработанного ствола дерева диаметром около 0,17 м и длиной 1,40–1,45 м. Лага лежала по диагонали⁴ сверху погребальной конструкции под наклоном к центру могилы (рис. 2, 6).

Перекрытие погребальной конструкции набрано из досок шириной 0,17–0,20 м. На момент раскопок их толщина достигала 0,02 м. Доски были уложены в направлении запад–восток. Вероятно, первоначально их длина несколько превышала ширину погребального сооружения. Крупные фрагменты пяти досок *in situ* сохранились в его южной части (рис. 2, 6). Учитывая, что в могиле не обнаружено костей скелета, можно говорить о том, что грабители извлекли останки погребенного, не разрушая всего перекрытия. Южная часть погребальной конструкции практически не пострадала. Могила ограбили до того, как произошло разрушение соединительных тканей тела покойного. Когда это произошло, погребальная конструкция еще сохраняла прочность, и внутри нее было свободное пространство. Уже после ограбления уцелевшие доски просели вниз и сломались под тяжестью заполнения.

Захоронение было совершено в гробовище⁵ трапецевидной формы длиной 2,30–2,35 м и высотой 0,35–0,40 м. Ширина его северной стенки составляла 1,17 м. Южная стенка была на 0,12 м короче. Каркас состоял из четырех досок толщиной 0,05–0,07 м. Пол гробовища настлан на дно могилы в направлении север–юг и набран из пяти досок шириной около 0,25 м. Толщина досок на момент раскопок не превышала 0,02 м. Они были плотно подогнаны друг к другу без какого-либо крепления. Для выравнивания пола в горизонтальной плоскости на дно могилы, в ее северной части, положили два небольших камня (рис. 2, 7, 8). Крепление между полом и рамой погребальной конструкции, а также между стенками

³ Размер плах $0,63 \times 0,21 \times 0,05$ и $0,62 \times 0,17 \times 0,05$ м.

⁴ По линии северо-запад–юго-восток.

⁵ Этот тип погребальных сооружений описан А. В. Давыдовой при исследовании Иволгинского могильника (Давыдова, 1996. С. 11).

Рис. 2. Могильник Оргойтон: 1 — план локальной группы кургана № 18; 2, 3 — погребение кургана № 17, план и разрез (здесь и далее: *a* — древесина); 4, 5 — погребение № 19, план и разрез; 6–8 — погребение кургана № 18, план на уровне перекрытия, план на уровне дна и разрез

Fig. 2. Cemetery of Orgoyton: 1 — plan of the local group of barrow no. 18; 2, 3 — grave at barrow no. 17, plan and section (here and below: *a* — wood); 4, 5 — burial no. 19, plan and section; 6–8 — burial in barrow no. 18, plan at the level of the roof, plan at the level of the bottom and section

Рис. 3. Могильник Оргойтон. Инвентарь погребений локальной группы. Курган № 17: 1 — фрагмент китайского зеркала; курган № 18: 2 — фрагмент китайского зеркала; 3, 5 — керамический сосуд; 4 — фурнитурный блок; 6 — коррозированный обломок предмета; 7 — нож (?). 1, 2 — бронза; 3, 5 — глина; 4, 6, 7 — железо. Масштаб: а — для 1, 2, 4, 6, 7; б — для 3, 5

Fig. 3. Cemetery of Orgoyton. Inventory of the burials of the local group. Barrow no. 17: 1 — fragment of Chinese mirror; barrow no. 18: 2 — fragment of Chinese mirrors; 3, 5 — ceramic jar; 4 — furniture block; 6 — corroded fragment of an object; 7 — knife (?). 1, 2 — bronze; 3, 5 — clay; 4, 6, 7 — iron. Scale: а — for 1, 2, 4, 6, 7; б — for 3, 5

гробовища отсутствовало. На краях длинных стенок на всю их высоту были сделаны вырезы $0,05-0,07 \times 0,02-0,03$ м. В эти вырезы вставлялись поперечные доски. Прочность конструкции обеспечивал грунт, засыпанный между рамой гробовища и стенками могильной ямы. В процессе зачистки и разборки погребальной конструкции в ее центральной части на досках пола найдено несколько человеческих зубов. Помимо этого в заполнении северо-восточного угла могилы найден крупный обломок железного предмета, деформированный коррозией (рис. 3, 6). Глубина могилы 1,97–2,03 м.

Курган № 17

Располагался юго-восточнее кургана № 18. Вероятно, первоначально его наземное сооружение соприкасалось с наземным сооружением кургана № 18.

На момент начала раскопок от сооружения кургана № 17 сохранилось только несколько камней с восточной и южной стороны могильной ямы, которая была ориентирована длинной осью по линии север–юг (рис. 2, 1–3).

Грабители полностью уничтожили северо-западный угол могилы и разрушили значительную часть ее западной стенки. Смешанный грунт заполнения могильной ямы по мере углубления локализовался в ее северной части. На глубине около 0,9 м у южной стенки могилы зафиксированы остатки перекрытия погребальной конструкции. Оно было набрано из досок толщиной 0,01 м и шириной не более 0,15 м, уложенных в направлении север–юг. Определить точное количество досок перекрытия невозможно. Его обломки сохранились только над западной и южной стенкой

погребальной конструкции. На обломках уцелели два фрагмента квадратных в сечении плашек со стороны около 0,05 м.

Захоронение в кургане № 17 совершено в гробу, установленном в сруб, от которого уцелели только южная стенка и крупный обломок западной стенки у ЮЗ угла могильной ямы. Продольные стенки сруба собраны из двух подтесанных лесин диаметром около 0,1 м, а южная стенка сделана из доски шириной 0,17 м и толщиной 0,02 м. Сохранились обломки четырех досок пола, края которых заходили под южную стенку сруба (рис. 2, 2, 3).

Гроб оказался практически полностью разрушен. Однако удалось установить, что его рама собиралась при помощи шипового соединения. В нижней части уцелевшего обломка южной стенки был зафиксирован квадратный в сечении шип (0,02 × 0,02 м), закрепленный в сквозном отверстии обломка западной стенки гроба. Под остатками гроба выявлены фрагменты от четырех досок пола, уложенных в направлении север–юг. Ширина досок не превышала 0,11 м. На остатках пола рядом с уцелевшим юго-западным углом гроба в состоянии *in situ* были зафиксированы большая и малая берцовые кости детского скелета в сочленении с голеностопным суставом и несколько фаланг пальцев стопы (рис. 2, 2). Размеры костных останков позволяют предположить, что в могиле был погребен ребенок в возрасте около восьми лет. Захоронение было совершено по обряду ингумации, вытянуто на спине, головой на север. Несколько костей детского скелета встречены в заполнении придонной части могилы.

На дне, примерно в полуметре от северной и южной стенок могильной ямы, сохранились остатки деревянных слег, на которых была собрана погребальная конструкция. Севернее остатков южной слег в центральной части зафиксирован кусок коррозированного железа. Помимо этого вплотную к северной стенке могилы, практически на ее дне, найден фрагмент бронзового китайского зеркала (рис. 3, 1). Глубина могилы, с учетом перепада высоты стенок, составляет 1,08–1,19 м.

Погребение № 19

На расстоянии около 3 м к востоку от могилы кургана № 18, под крупным одиночным камнем, зафиксировано пятно могильной ямы овальных очертаний, ориентированное длинной осью по линии север–юг, размерами 1,5 × 0,9 м (рис. 2, 1, 4, 5). Заполнение могилы составлял смешанный грунт. В северной части могилы, на уровне

перекрытия погребальной конструкции выявлена небольшая площадка, назначение которой неясно. Граница площадки определялась уцелевшим фрагментом северной стенки погребального сооружения. Возможно, площадка имитировала «хозяйственный отсек», и первоначально на ней располагалась напутственная пища для усопшего. Однако не следует исключать и того, что грабители просто ошиблись с размером могильной ямы.

Погребение было совершено в гробу длиной около 1,2 м, шириной около 0,4 м и высотой не более 0,2 м. Перекрытие, пол и северная стенка гроба уничтожены. Уцелело около 85 % западной стенки, не более половины южной и примерно треть восточной (рис. 2, 4). Костных останков и находок при исследовании погребения не обнаружено. Вместе с тем можно констатировать, что это было детское захоронение. Глубина могилы около 0,57 м (рис. 2, 5). Зафиксированный на месте этого погребения валун позволяет думать, что могилы, над которыми после похорон не сооружали каменных оград, отмечались на уровне древней дневной поверхности каким-либо иным способом.

★ ★ ★

Захоронения рассмотренной локальной группы не противоречат погребальной традиции хунну. Типы погребальных сооружений, в которых были совершены захоронения, в двух случаях определяются абсолютно точно. Это двойная камера (или гроб в срубе) и гробовище. Отказ от жесткого крепления частей гробовища при его сборке не совсем понятен. Правда, такое решение позволяло сэкономить время при подготовке к похоронам, так как отпадала необходимость вырезать в досках различного рода пазы, отверстия, шипы и т. п. Насколько широко такая практика была распространена в Оргойтоне, пока неясно. Интересно, что двойная камера была выявлена в сопроводительном детском захоронении кургана № 17. На могильнике, помимо этого случая, данный тип погребальной конструкции зафиксирован в погребениях взрослых людей в курганах № 7 и 21. Примечательно, что в сопроводительном погребении № 19 ребенка похоронили в гробу. Глубина могилы, в которой совершили это захоронение, была в два раза меньше глубины детской могилы кургана № 17. В довершение к этому место погребения № 19 обозначили одним надмогильным камнем, в то время как над захоронением кургана № 17 возвели каменное сооружение (рис. 2, 1). Насколько значительными были различия в погребальной

обрядности детских захоронений, можно проиллюстрировать еще одним примером.

В 2017 г. в восточной части могильника в пределах заложенного здесь раскопа были выявлены захоронения № 15 и 16 (рис. 1, 3). В могильной яме погребения № 15 отмечались зольно-угольные линзы, прокаленный грунт и камни. На глубине около 0,73 м, практически на самом дне могилы, найдено несколько детских костей. В погребении № 16, заполнение которого состояло из светлой супеси, на глубине 0,4 м был выявлен незначительно потревоженный скелет младенца. Следы какой-либо погребальной конструкции, а также сопроводительный инвентарь в захоронении отсутствовали (Николаев и др., 2019. С. 501).

Таким образом, можно говорить о том, что погребальная традиция хунну предполагала различные варианты захоронения детей. Видимо, это зависело от совокупности нескольких взаимообусловленных факторов, которые и определяли отношение к умершему ребенку. Вероятно, важную роль играли пол, возраст, а также родственные связи ребенка.

Установить обстоятельства, связанные с появлением сопроводительных захоронений локальной группы кургана № 18, нельзя. Однако можно достаточно точно определить максимально возможный промежуток времени между захоронением в центральной могиле и появлением последнего сопроводительного погребения. На примере Дырестуйского могильника С. С. Миняев наглядно продемонстрировал взаимосвязь между статусом погребенного и местом его захоронения в локальной группе (Миняев, 1998. С. 41–69). Поэтому не вызывает сомнения, что курган № 17 и погребение № 19 появились позже кургана № 18. Останки, зафиксированные в могиле кургана № 17, принадлежали ребенку не старше восьми лет. В погребении № 19 скелет или его фрагменты не сохранились. Однако размеры погребальной конструкции позволяют говорить о том, что захороненный здесь ребенок был не старше ребенка, погребенного в кургане № 17. Таким образом, если предположить, что на момент похорон в кургане № 18 старший из детей только родился, а в день его погребения на свет появился младший ребенок, период формирования локальной группы кургана № 18 не будет превышать 16 лет, то есть в пределах археологических датировок погребения этой группы синхронны.

Разрушения, которые сопровождали ограбление могил, создают впечатление, что захоронения

были не просто разорены, а их целенаправленно осквернили. Вещевой комплекс исследованных погребений насчитывает всего шесть предметов, при этом ни один из них не был найден *in situ*. Только две находки сделаны на дне могилы. Пять предметов связаны с курганом № 18. Отсюда происходит неорнаментированный керамический сосуд удлинённых пропорций, высотой около 35 см (Давыдова, 1995. Табл. 177, 48) (рис. 3, 3, 5). Он сохранился в многочисленных фрагментах, которые были встречены в разных местах кургана. Самые большие скопления керамики отмечены в заполнении, у южной стенки могильной ямы, а также в северо-западной части развала надмогильного сооружения. Восточнее от фрагментов сосуда зафиксирован железный фурнитурный блок треугольной формы, идентичный образцам из Ильмовой пади (Коновалов, 1976. Табл. VI, 6, 7). На широкой стороне блока сохранилась скоба, края которой были соединены заклепкой (рис. 3, 4). Фрагмент еще одного железного изделия (ножа?) найден в юго-восточной части развала кургана (рис. 3, 7). Помимо этого, на дне могилы, вплотную к ее северной стенке, зафиксирован деформированный коррозией обломок железного предмета (рис. 3, 6).

Однако наибольший интерес представляют два фрагмента китайских бронзовых зеркал. На фрагменте из кургана № 18 частично сохранилась лента из прямых параллельных линий, обрамленная валиком, вокруг которого расположен фриз из треугольников, окаймленный двумя зигзагообразными параллельными линиями (рис. 3, 2). Поверхность фрагмента слегка затерта. Ближайшей аналогией этой находке является экземпляр, хранящийся в собрании Красноярского краеведческого музея (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 39, № 8, II 3, рис. 6). Помимо этого фрагмент из Оргойтона сопоставим с находкой из кургана № 15 Черемуховой пади (Коновалов, 1976. Табл. XXII, 1). Обе аналогии относятся к зеркалам типа TLV, или *гуй цзю* (Филиппова, 2000). Отличительной особенностью их декора, несмотря на вариативность отдельных элементов, являются «знаки, напоминающие латинские буквы T, L, V» (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 12). Ранее фрагмент зеркала этого типа на Оргойтоне обнаружен в захоронении кургана № 5 (Николаев, Миняев, 2017. С. 155, рис. 14, 5). Зеркала типа TLV также хорошо известны в хуннских комплексах Монголии (Treasures of the Xiongnu, 2011. P. 147, 149–151, № 193, 198–201, 203). Появление этого типа определяется от середины периода Западной Хань до времени правления Ван Мана (Лубо-Лесниченко,

1975. С. 12; Филиппова, 2000. С. 103; Tsagaan, 2011. P. 321, fig. 4; Базаров, 2019. С. 29–31).

В кургане № 17 обнаружен обломок бортика бронзового зеркала с лентой из наклонных параллельных линий, над которой сохранились фрагменты двух иероглифов (рис. 3, 1). Сохранившиеся элементы позволяют относить обломок к группе зеркал, центральная часть которых имела полусферическую петельку и обрамлялась лентой их параллельных наклонных линий⁶. Вторая лента окаймляла бортик зеркала с внутренней стороны. Между лентами по окружности орнаментального поля располагалась благопожелательная надпись. На основании ее содержания выделяются два типа зеркал — *жи гуан* и *чжао мин*. В хуннских комплексах Забайкалья и Монголии представлены оба типа (Филиппова, 2000; Tsagaan 2011; Treasures of the Xiongnu, 2011. P. 147–151, № 193–206). Поскольку декор зеркал *жи гуан* и *чжао мин* очень похож, сопоставление фрагмента из кургана № 17 с находками из хуннских комплексов Забайкалья и Монголии возможно только по уцелевшей части иероглифа. На основании этого признака фрагмент из кургана № 17 можно соотнести с обломком зеркала из кургана № 51 Ильмовой пади и целым изделием из кургана № 2 могильника Худгийн-Толгой (Коновалов, 1976. Табл. XXII, 1; Treasures of the Xiongnu, 2011. P. 148, № 194). Обе находки относятся к типу *чжао мин* (Филиппова, 2000. С. 102–103, рис. 1, 6; Tsagaan 2011. P. 317, fig. 1, 12). Е. И. Лубо-Лесниченко, описывая поздние подражания зеркалам этого типа, датировал оригинальные образцы II–I вв. до н. э. (Лубо-Лесниченко,

1975. С. 110–111, № 316, VI, 4б; 317, VI, 4). Однако им была упомянута и другая дата появления зеркал *чжао мин* — «конец Западной Хань» (Там же. С. 110–111, № 315, VI, 4а, рис. 104). Последнее мнение превалирует при анализе монгольских материалов. Зеркала *чжао мин* и их фрагменты, зафиксированные в хуннских комплексах Монголии, датируются не ранее I в. до н. э. (Tsagaan, 2011. P. 321, fig. 4).

Заключение

Обобщая сделанные наблюдения можно констатировать, что погребальная практика хунну предполагала несколько вариантов детских захоронений. Выбор места погребения, глубина могилы, тип погребальной конструкции, наличие или отсутствие наземного сооружения, скорее всего, зависели от пола, возраста и родства умершего ребенка. Появление в сопроводительном наборе детского погребения кургана № 17 фрагмента китайского бронзового зеркала, видимо, обусловлено теми же причинами. Это чрезвычайно редкий случай, когда ребенку положили в могилу часть предмета, который в мире живых и мертвых символизировал единство покинутого им коллектива (Миняев, Сахаровская, 2006. С. 82). Фрагменты зеркал, найденные в погребениях локальной группы кургана № 18, не противоречат выводу о достаточно быстром ее формировании и датируют ее погребения не ранее I в. до н. э. Вместе с тем зафиксированные разрушения могил позволяют предположить, что появление данной локальной группы, как и всего могильника Оргойтон, относится к несколько более позднему времени, когда в хуннском обществе начали нарастать дезинтеграционные процессы (Миняев, 2019. С. 207).

⁶ Это обрамление повторяло контуры декора в центре зеркала и могло иметь круглую или квадратную форму.

Базаров, 2019 — Базаров Б. А. Китайское зеркало из 47-го погребения Нур-Тухумского могильника // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. № 2. С. 25–33.

Давыдова, 1995 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Фонд «Азиатика», 1995 (Археологические памятники сунну; Вып. 1). 97 с.

Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996 (Археологические памятники сунну; Вып. 2). 176 с.

Коновалов, 1976 — Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 248 с.

Коновалов, 2008 — Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 98 с.

Лубо-Лесниченко, 1975 — Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 170 с.

Миняев, 1998 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999 (Археологические памятники сунну; Вып. 3). 233 с.

Миняев, 2019 — Миняев С. С. Актуальные проблемы изучения сунну // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской

- академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов и др. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 201–208.
- Миняев, Сахаровская, 2006 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьское зеркало из могильника Царам // Записки ИИМК РАН. 2007. № 1. С. 77–82.
- Миняев, Сахаровская, 2007 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–167.
- Николаев, 2010 — Николаев Н. Н. Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение) // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Ред. В. А. Алёшкин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 186–191.
- Николаев, Миняев, 2017а — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Исследование хуннских курганов в пади Оргойтон // The VIII International Academic Conference on «Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China»: Сб. тезисов и авторефератов. Changchun: Research Center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University, 2017. С. 287–291.
- Николаев, Миняев, 2017б — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Работы Центрально-Азиатской археологической экспедиции на могильнике Оргойтон // АСГЭ. 2017. Вып. 41. С. 143–158.
- Николаев, Миняев, 2019 — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Некоторые результаты исследования «княжеского кургана» хунну на могильнике Оргойтон // АСГЭ. СПб., 2019. № 42. С. 110–123.
- Николаев и др., 2019 — Николаев Н. Н., Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Исследования на могильнике Оргойтон в Джидинском районе // АО 2017 года. М.: ИА РАН, 2019. С. 499–501.
- Талько-Гринцевич, 1999 — Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: Фонд «Азиатика», 1999. 123 с.
- Теплоухов, 1925 — Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Улы // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.
- Филиппова, 2000 — Филиппова И. В. Китайские зеркала из памятников хунну // АЭАЕ. 2000. № 3. С. 100–108.
- Эрдэнэбаатар и др., 2015 — Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Огилбаяр С., Батболд Н., Галбадрах Б., Маратхаян А. Балгасын тал дахь Гол Мод 2-ын хуннугийн язгууртны булшны судалга (Исследование элитного хуннского кургана Гол Мод 2). Уланбаатар: Менхийн Усэг, 2015. 256 с. (на монг. яз.).
- Nikolaev, Miniaev, 2016 — Nikolaev N. N., Miniaev S. S. Orgoiton — A Xiongnu Cemetery in Transbaikalia // The Silk Road. 2016. Vol. 14. P. 166–168.
- Treasures of the Xiongnu, 2011 — Treasures of the Xiongnu (culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia). The catalogue / Chief advisor D. Tseveendorj, J. Saruulbuyan; ed. G. Eregzen. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaany Akademi, Arkheologiin Khurel, 2011. 296 p.
- Tsagaan, 2011 — Tsagaan T. A Study on Bronze Mirrors in Xiongnu Graves of Mongolia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Eds U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5). P. 315–327.

Funerary rite of Xiongnu children's burials (at the example of the local group of kurgan no. 18 at the cemetery of Orgoyton)

N. N. Nikolaev

The funerary practice of the cemetery of Orgoyton included a number of variants of children's burials. The choice of the place of interment, the depth of the grave, type of the funerary structure, and the presence or absence of a surface installation depended on the age and kinship of the deceased child. The same circumstances determined the appearance of Chinese bronze mirrors among the accompanying gifts in some of the child burials. Fragments of the mirrors found in burials of the local group of kurgan no. 18 date this group and the entire cemetery to not earlier than the 1st century BC. Simultaneously, the recorded disturbances of the graves suggest that the investigated burials were not simply looted but were purposefully defaced. In one case, the available evidence indicates that the looting and defacing of the grave took place shortly after the funeral. Therefore it cannot be ruled out that the appearance of the investigated complexes, as well as of the entire burial ground of Orgoyton, took place at a slightly later time than it was supposed, when disintegration processes were growing in the Xiongnu society.